

Резидент

Автор:

Евгений Сухов

Резидент

Евгений Евгеньевич Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

1944 год. Западная Украина. Оперуполномоченный Смерш капитан Тимофей Романцев расследует дело о гибели своего заместителя. По данным разведки, в тылу наших войск действует группа диверсантов, которой поручено уничтожение комсостава и подрыв железнодорожных путей. Романцев захватывает перебежчика, который сообщает имя резидента, руководящего шпионской сетью. Но одного имени мало. Чтобы вычислить немецкого прихвостня, нужна дюжина оперативников-специалистов, да еще время на подбор команды. Понимая, что каждая упущенная минута работает против него, капитан в одиночку начинает охоту на резидента...

Евгений Сухов

Резидент

© Сухов Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Его убили не здесь

Письмо в Москву было отправлено утренней почтой. Если военно-почтовая служба сработает бесперебойно, то дней через пять послание окажется в домашнем почтовом ящике. Тимофей Романцев сложил нехитрые пожитки в небольшой потертый кожаный чемодан с покоцанными углами – старый и проверенный спутник в долгих командировках. Осталось последнее: посидеть на грубо сколоченном табурете перед дальней дорогой, как это было заведено по русскому обычаю, и отбыть восвояси.

Старшина Щербак нервно покуривал в сторонке и ждал последних распоряжений. А их не было. Вроде бы обо всем уже переговорили, сказали последние слова. Так чего же медлить?

Но капитан Романцев не торопился: хотел дождаться заместителя, старшего лейтенанта Прохора Григоренко, но он, как назло, запропастился по каким-то надобностям, а ведь обещал подойти пораньше. Конечно, можно уйти, не попрощавшись – никто не осудит, – сославшись на безотлагательность. В действительности так оно и было, время поджимало: автомобиль уже стоял «на парах» у самого крыльца, и водитель нетерпеливо поглядывал через распахнутую форточку, ожидая появления капитана. Водилу тоже можно понять, у него свои дела: после того как он выполнит поручение командира полка и отвезет капитана в Червоноармейск, ему следует срочно выезжать в штаб фронта. На лице водителя написано откровенное нетерпение: еще немного, и он начнет поторапливать подзадержавшегося Романцева длинными гудками.

И все-таки не хотелось уезжать, не попрощавшись. Ну, просто ноги не шли! Сколько же таких скомканных разлук пережил за время службы, когда не оставалось времени сказать теплого слова. Попросту забрасывал чемодан в грузовик и катил к новому месту службы. Многих, с кем не удалось попрощаться, уже не было в живых, и душу до крови царапала досада, что прощание не состоялось.

Тимофей посмотрел на часы, неодобрительно покачал головой – ожидание затягивалось.

– Вот что сделаем, старшина. Давай я сейчас напишу записку старшему лейтенанту Григоренко, а ты передашь ему при встрече. Договорились?

– Конечно, товарищ капитан, – охотно откликнулся Щербак.

В военную контрразведку Романцев привлек Богдана Щербака из полковой разведки и ни разу не пожалел о своем решении. Парень мыслил нестандартно, дерзко, что во многом определило арест бандеровца Гамулы, он же сыграл немалую роль в ликвидации всей банды. Так что старшина находился на своем месте.

Вытащив из полевой сумки листок бумаги с простым карандашом, Тимофей принялся писать записку.

Задумался, ушел в себя, может, поэтому прозвеневший телефонный звонок показался ему особенно громким, заставил прервать занятие. Посмотрев на старшину, он сказал:

– Чего медлишь? Возьми! Пока Григоренко не придет, ты здесь за начальника отдела остаешься, а там вам нового назначат. А меня здесь нет, – добавил Романцев, посмотрев на часы. – Уже сорок минут, как должен быть в дороге.

Подняв трубку, Богдан громко произнес:

– Старшина Щербак! – Некоторое время он слушал далекого собеседника с застывшим лицом, потом невольно воскликнул: – Что?! – Тимофей отложил карандаш в сторону, предчувствуя самое недоброе. Слов неведомого абонента было не разобрать, лишь слышна его торопливая нервная речь, искаженная чуткой телефонной мембраной. – Да... Еще не уехал. Я ему передам. – Старшина положил трубку на рычаг и растерянно посмотрел на капитана.

– Что случилось? – спросил Тимофей. – Не тяни!

– Звонили из отдела контрразведки армии, сообщили, что убит старший лейтенант Григоренко. Полковник Александров велел немедленно выехать на место преступления. Вам поручили заняться этим делом и доложить, как началось расследование. Вы его друг, и в отделе полагают, что вам известны многие вещи из его личной жизни. В какой-то степени это поможет найти преступника... Товарищ капитан, извините меня, но не мог я сказать иначе!

Романцев скомкал недописанную записку и швырнул ее в урну.

– Все правильно, Богдан! Никто тебя не винит. По-другому и быть не могло. Где произошло убийство?

– На окраине Немировки, недалеко от железнодорожной станции... Там хуторок небольшой на склоне и...

– Знаю, чего стоим? Выходим!

– Понял, товарищ капитан! – устремился за ним старшина.

Водитель, увидев выскочившего из штаба полка Романцева, облегченно вздохнул и завел двигатель. Распахнув переднюю дверцу, Тимофей плюхнулся в кресло.

– Товарищ старшина тоже с нами поедет? – удивленно посмотрел водитель на Щербака, уже разместившегося на заднем сиденье.

– Да.

– Значит, в город, товарищ капитан! А потом у меня...

– Нет, в следующий раз... Сейчас едем на станцию. И побыстрее!

Заглянув в напряженное лицо капитана, водитель не стал ничего уточнять, лишь развернул автомобиль и покатил к железнодорожной станции.

Еще через десять минут были на месте.

Гулко прогрохотал в отдалении эшелон, груженный тяжелой техникой, заставив подъехавших невольно обернуться. Некоторое время был виден его длинный хвост – открытые платформы, укрытые брезентом, на которых просматривались очертания пушек и гаубиц, – а потом он спрятался за лесной массив, буйно разросшийся вдоль железнодорожного полотна. Патрулирующие автоматчики терпеливо переждали товарняк и размеренно зашагали дальше по хрустящей гальке.

Близ дороги стояла группа из пяти офицеров, среди которых Тимофей увидел двух военных прокуроров, отличавшихся среди присутствующих новенькими кителями: капитан юстиции был из Тринадцатой армии, а хмурого вида майор – из прокуратуры фронта. Два капитана были из военной контрразведки: первый постарше, лет сорока, с сухим неприветливым лицом, другой – ровесник Тимофея, белокурый крепыш. Невысокий майор НКВД с глубокими морщинами на впавших щеках служил в местном отделе. Все присутствующие знали друг друга хорошо – по долгу службы приходилось пересекаться на оперативных совещаниях, участвовать в совместных оперативно-разыскных группах.

Поздоровавшись, Романцев спросил у майора:

– Где он лежит?

– Там... У кустов, – нервно махнул тот в сторону порыжевшего можжевельника. – Сразу там и не увидишь. Мы ничего не трогали, ждали тебя... Вот оно как бывает... Кто бы мог подумать. Чтобы вот так, в тылу... Обидно!

Тимофей подошел к колючим зарослям и увидел в высоком плюще, буйно разросшемся у корней, распластанное тело без сапог. Что за дела, кому это было нужно? Не убили же Григоренко из-за кожаных офицерских сапог! Слегка повернув старшего лейтенанта, он увидел на левой стороне груди глубокую рану, гимнастерка обильно пропиталась кровью. Заглянул в неподвижное лицо Григоренко и невольно стиснул челюсти, стараясь удержать стон, рвавшийся из горла. Глаза у старшего лейтенанта были широко открыты. Так выразительно он не смотрел даже тогда, когда был жив.

– Кто нашел труп? – глухо спросил Романцев, распрямившись.

– Я, товарищ капитан, – вышел из-за спины офицеров невысокий худенький солдатик.

– Как тебе удалось его увидеть? Ведь с дороги сразу и не заметишь.

– Тогда солнце ярко светило, а я по этой стороне дорожки шел. Думаю, что там такое в траве блестит? Подошел, а там старший лейтенант лежит... На руке у него часы, и зеркальце на них поблескивало, – объяснил боец.

– Понятно. А ты никого тут поблизости на дороге случайно не видел? Может, кто-то подходил или мимо проходил?

– Нет, никого, – уверенно ответил боец. – Хотя... – В его голосе послышалось некоторое сомнение. – Не совсем близко, правда, это было... Вон из-под той пихты офицер вышел.

– Не рассмотрел, как он выглядел?

– Лицо не разглядел, но по званию майор был, это точно! Помню, подтянутый такой, высокий. Строевой офицер, их сразу видно!

Склонившись, Романцев внимательно осмотрел место преступления. Ни клочков бумаг, ни стреляных гильз, ничего такого, что могло бы помочь в расследовании. Но ведь что-то же должно быть!

– Что думаете о произошедшем, товарищ капитан? – спросил майор юстиции. – На бытовую ссору не очень-то похоже.

– А кто сказал, что это бытовая ссора?..

– Ну-у, версия такая возникла. Что-то не поделили, и вот...

– Думаю, что старший лейтенант Григоренко был убит диверсантом, проникшим в наш тыл, – уверенно произнес Тимофей. – Посмотрите... Один удар, и точно в сердце! Это не случайность, это их отличительная черта. Рука хорошо поставлена, таким приемам учат в диверсионной школе.

– Возможно, что так оно и есть. Он ведь был вашим другом? – В голосе прокурора прозвучало сочувствие.

– Все так, был...

– Будем работать сообща, мы – по своему ведомству, а вы – по линии военной контрразведки, может быть, что-то и удастся выяснить. Будем делиться информацией. Почему он пошел именно сюда, как вы думаете?

– Для меня это тоже большой вопрос, – озадаченно ответил Романцев. – Мы с Прохором должны были встретиться с час назад, но я его так и не дождался.

– Может, он где-то здесь живет?

– Нет. Квартировался рядом со штабом. Так удобнее. При нем были какие-то документы?

– Только его военный билет. Он у меня. Возьмите. – Прокурор расстегнул планшет и вытащил из него залитый кровью документ.

Какое-то время Тимофей держал его в пальцах. Кожу обжигало свежей кровью. Не удержавшись, он раскрыл билет. С фотографии на него смотрел Прохор Григоренко. Еще живой. Уголки губ слегка приподняты, словно он улыбался. В действительности таковым он был даже в самые серьезные минуты – некая особенность лицевых мышц, встречаемая у очень светлых людей. Аккуратно завернув в лист бумаги военный билет, Тимофей положил его в планшет. Нужно будет переправить его матери. Тяжелая останется память, но по-другому нельзя.

Перевернув Прохора на спину, капитан увидел в его стиснутых пальцах небольшой клочок бумаги. Держал он его крепко, буквально мертвой хваткой. И только когда Романцев коснулся его ладони, пальцы тотчас разомкнулись, будто Прохор знал, кому отдает свою добычу.

– Это клочок от военного билета диверсанта. Пятая страница... Видно, Григоренко каким-то образом понял, что имеет дело с врагом, и стал проверять у него документы. Удар ножом в грудь произошел неожиданно для Прохора и в

тот самый момент, когда он перелистывал пятую страницу. Вот кусочек от нее и остался у него в пальцах, – заключил Романцев.

– Нужно дать описание билета с испорченной пятой страницей, может, патрульным удастся его отловить, – сказал молодой прокурор.

– Да. Это мы сделаем.

– Только я одного не пойму, почему Григоренко без сапог?

– Попробуем понять.

Присев, Романцев увидел на влажной земле отчетливые следы от сапог и следы волочения. Значит, Григоренко был убит в другом месте. Диверсант ударил старшего лейтенанта ножом в грудь и оттащил его в кусты, подальше от возможных свидетелей. Действовал решительно и быстро, ведь место не пустынное, могли бы заметить.

– Его убили не здесь, а где-то там, – пояснил он, – следы уходят от дороги к кустам.

Тимофей продолжал всматриваться в неглубокие кривые борозды. В одном месте трава была примята больше обычного – очевидно, убийца положил Григоренко сначала здесь, но потом решил оттащить труп поглубже в лес.

– Здесь убили Григоренко, – показал он подошедшим офицерам на небольшой истоптанный пяточок травы. – Посмотрите, следы от двух пар сапог. Земля влажная, их хорошо видно... На одних сапогах подошвы подбиты в два ряда аккуратными гвоздиками с квадратной шляпкой, а на другой паре – в один ряд. А еще на вторых сапогах форма подошвы более округлая и подковки набиты. Первые отпечатки – это след от немецких офицерских сапог, а вторые принадлежат старшему лейтенанту Григоренко. Могу предположить, что он увидел отпечаток следов диверсанта и понял, что перед ним враг. Стал проверять документы, а тот его убил. Потом оттащил труп подальше от дороги, снял с убитого сапоги... И надел их! Вот на этом поваленном дереве он переобувался. Вот посмотрите... Сначала к дереву идут отпечатки следов от немецких сапог, а вот отходят уже другие – следы от сапог Григоренко. Уверен, если мы сейчас поищем вторую пару сапог, то найдем их. Они принадлежат

диверсанту.

Аккуратно, стараясь не наступать на оставленные следы, офицеры разошлись по сторонам. Ждать пришлось недолго – повезло майору юстиции.

– Нашел! – громко произнес он.

Подошедший Романцев внимательно осмотрел сапоги – вне всякого сомнения, они с ноги диверсанта: тот же самый размер и два ряда гвоздиков на подошве. А кожа добротная, мягкая. Ногам в таких сапогах очень удобно.

– А ведь боец прав, – посмотрел Тимофей на красноармейца, стоявшего в сторонке. – Диверсант прошел именно в сторону пихты лесом, а потом, оказавшись на достаточном расстоянии, вышел снова на дорогу. Вот только никак не думал, что его все-таки могут распознать.

– А это кто там еще? – вдруг спросил молодой прокурор.

Повернувшись, Романцев увидел, как со стороны хутора к ним бежала какая-то девушка.

– Где он? – воскликнула она в отчаянии.

– Послушайте, – попробовал задержать ее белокурый капитан. – Сюда нельзя! Здесь следственно-разыскные действия.

– Пустить мене до нього! – заголосила девушка, вырываясь из его крепких рук. – Як же це так?! Чому так несправедливо? Пустите мене!!![1 - Пустите меня к нему! Как же это так?! Почему так несправедливо? Пустите меня! (укр.)]

Молодое красивое лицо скривилось от навалившегося горя. Смотреть на чужую скорбь было неловко и больно.

– Пусть подойдет, – остановил крепыша Романцев. – Мы уже все посмотрели. Общая картина ясна!

Офицер отступил в сторонку и, очевидно стараясь загладить прежнюю несговорчивость, произнес:

– Вон там он лежит, у кустов.

Ладные девичьи ноги, обутое в кожаные расшитые сапожки, аккуратно прошлись по высокой траве, остановившись подле убитого. Некоторое время девушка беззвучно плакала, всматриваясь в окаменевшее лицо Григоренко, а потом упала на колени. Худенькие узенькие ладошки, не стесняясь стоявших поблизости мужчин, погладили помертвевшие щеки, гибкими руками она обняла его голову и что-то едва слышно произнесла.

Некоторое время офицеры молча наблюдали за скорбной сценой, потом Романцев сделал небольшой шаг в ее сторону и произнес, чувствуя свою неуклюжесть:

– Послушайте, возможно, сейчас не самое подходящее время для разговора, но я все-таки должен переговорить с вами. Как вас зовут?

Девушка поднялась с колен. Лицо онемевшее, словно маска. За последние минуты она много пережила: состоялось прощание с любимым, с надеждами на будущее.

– Полина.

– Полина, как давно вы знали Прохора Григоренко?

– Чотири мисяци, як ви в Немировка прийшли, – ответила девушка, подняв на Тимофея распухшие и покрасневшие от слез глаза. – Ми одружитися хотили[2 - Четыре месяца, как вы в Немировку пришли. Мы пожениться хотели (укр.).].

– Как вы узнали, что Прохор убит?

– Сусидка сказала, що офіцера вбили. И я видразу зрозуміла, що це Прохор[3 - Соседка сказала, что офицера убили. И я сразу поняла, что это Прохор (укр.).].

– Почему?

– Вин збирався вже йти. Кого-то проводити должен был, а тут глянув у викно и сказав: «Що це за майор? Чому вин тут весь час крутиться. Пиду погляну». Попрощався со мною и пишов. Я даже ничего не думала такого. А потим...[4 - Он собирався уже уходить. Кого-то проводить должен, а тут посмотрел в окно и сказал: «Что это за майор? Почему он здесь все время крутится. Пойду посмотрю». Попрощался со мной и ушел. Я даже ничего не думала такого. А потом... (укр.)] – Девушка вновь безутешно заплакала.

– А как выглядел этот майор, не видели?

– Не бачила, – покачала головой девушка. – Я тисто мисила[5 - Не видела. Я тесто месила (укр.)].

– Что ж... Все ясно. Спасибо, – поблагодарил Романцев. – А теперь возвращайтесь...

– Як же мени тепер без нього?[6 - Как же мне теперь без него? (укр.)] – закусила девушка губу.

– Это трудно, знаю, – посочувствовал Тимофей. – Такое забыть невозможно. Лучше помолитесь, думаю, что он вас услышит.

Подходящие слова были найдены. Лицо девушки слегка просветлело, пусть не намного, но ей стало легче. Теперь ей следовало привыкать жить без любимого.

– Добре. Я так и зроблю[7 - Хорошо. Я так и сделаю (укр.)], – сказала она и, попрощавшись, чуть сгорбившись, будто приняла на плечи ношу, пошла к хатам.

– За истекший час убийца мог уехать куда угодно, времени было достаточно, – задумчиво произнес Романцев, когда девушка отошла на значительное расстояние. – А искать какого-то майора безо всяких примет очень сложно.

– Мы уже отдали распоряжение усилить контроль на КПП, – сказал майор юстиции. – Надежды, конечно, немного, но попробовать стоит.

– Жаль парня, – покачал головой майор НКВД. – Мы ведь с ним еще утром встречались. Веселый такой был, посмеялись о чем-то. Кто бы мог подумать, что

так оно может повернуться. Ведь в тылу же... От передовой далеко!

– А вот это вы зря, – поправил хмурый прокурор, – если здесь не стреляют, это не значит, что войны тут нет. Она идет каждый день и каждый час. Конечно, не в таких масштабах, но людей убивают. Вот буквально вчера двух офицеров из двести семнадцатой дивизии убили. Сколько ни искали, найти не могли. Бандеровцы! Кто-то полоснул из леса автоматной очередью, и все! А вчера майор из десятой зенитной дивизии пропал... Днем-то они все примерные крестьяне, улыбаются, правильные слова говорят, а вот вечером это уже другие люди.

Подъехал грузовик. Четверо бойцов в выцветших гимнастерках спешно повыпрыгивали из кузова и остались стоять рядом с машиной, нервно покуривая махорку. Ждали распоряжения, чтобы погрузить тело в машину. Каждый думал о своем, явно невеселом, лишь порой вяло роняя слова. Похороны на войне – дело скорое, очень обыденное: уже через какой-то час Григоренко уложат в каменистую яму, прозвучит нестройный салют над могилой, и все, нужно топтать дальше!

– Можете забирать, – сказал Романцев бойцам и зашагал к автомобилю.

– Куда едем, товарищ капитан? – сочувственно спросил водитель.

– Давай в штаб, а там можешь ехать по своим делам.

Вот так оно и бывает на фронте. После письма любимой нужно писать похоронку. Осталось только подобрать для матери подходящие слова. Хотя где найти такие слова? Но пусть знают, что смерть его была не напрасной.

Глава 2

Не трожь товарища Сталина!

Вернувшись в штаб, Тимофей Романцев сел за стол и некоторое время сидел неподвижно, закрыв глаза. Нужно собраться, успокоиться. Никто не должен

видеть его растерянным или усталым. Так он поступал всякий раз, когда следовало принять ответственное решение. Но получалось скверно. Сосредоточиться не выходило – мысль ускользала.

Перечеркнутых планов было не жаль, такое случилось не впервые. Жизнь часто вносит свои коррективы, одним махом перечеркивая все задуманное. Не стало хорошего человека, вот в чем горечь...

В это самое время он должен был быть на пути к Киеву. Зоя, взволнованная предстоящей встречей, собиралась, наверное, удивить его каким-нибудь изысканным ужином. Теперь со встречей придется немного повременить.

Когда дыхание стало ровным, а тело полностью расслабилось, Тимофей открыл глаза. Как-то немного полегчало, стало все предельно ясно. Другого пути просто не существовало. Впереди у него лишь узкая колея, с которой не свернуть. Знай ездай себе прямиком! Вместе с осознанием предначертанного пути в душу вернулся потерянный покой.

Подняв телефонную трубку закрытой системы телефонной связи, Романцев произнес:

– Это Триста Восемьдесят Четвертый... Соедините меня с Семнадцатым!

– Соединяю, – услышал Тимофей мягкий женский голос.

Ждать пришлось недолго. Полковник Утехин, начальник Третьего управления контрразведки Смерш, ответил через несколько минут:

– Слушаю!

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Тимофей! Уже выезжаешь?

– Изменились обстоятельства, мне следует на некоторое время задержаться.

– Что-то случилось? – в голосе Утехина прозвучала тревога.

– Убили моего заместителя. Судя по характеру смертельного ранения – ножом в грудь, это был хорошо подготовленный диверсант. Не исключаю, что ему удалось легализоваться и он находится среди офицеров. Следует выяснить, кто это.

– Другого решения нет?

– Никак нет, товарищ полковник! Мы со старшим лейтенантом Григоренко работали вместе, это дело чести... Если я уеду, то меня могут неправильно понять, а мне бы этого очень не хотелось.

– Все та-ак, – протянул Георгий Валентинович. – Вижу, что ты настроен серьезно. Соглашусь с тобой, обстоятельства непростые. Хотя и озадачил ты меня, прямо скажу! Но приказывать или настаивать не имею права, не тот случай. Ты должен сам все решить. Но ситуация у нас складывается такая, что ждать я тоже не могу. У нас тут аврал! Вместо тебя придется взять другого. А там посмотрим, каков будет расклад. Но хочу сразу предупредить: ничего не обещаю, не исключено, что тебе придется остаться в Тринадцатой армии и продолжать там дальше службу.

– Все понимаю, товарищ полковник, – почувствовал Романцев облегчение, – и не в обиде! Мне все равно, где служить, главное – приносить пользу.

– Хороший ответ, другого я от тебя и не ожидал. А твои записки мы анализируем, в них очень много полезной информации. Ты считаешь, что бандеровцы просто так не отступят?

– Никак нет, товарищ полковник! Все очень серьезно. У них многочисленная и хорошо законспирированная армия. Отступая, немцы оставляют им горы оружия. Думаю, что в ближайшие годы эти автоматы будут стрелять!

– Ты сказал горы, я не ослышался? – удивленно протянул Утехин.

– Именно так, товарищ полковник, горы! – убежденно ответил Романцев.

– А как же население? На чьей оно стороне?

– С населением тоже не все так просто. Немало, конечно, людей, симпатизирующих советской власти, но еще больше тех, что поддерживают бандеровцев. Они считают их своими, потому что законспирированная армия в основном состоит из украинцев, из местного населения, и они в любом селе могут отыскать укрытие и поддержку. Попытаться разузнать об их местоположении – очень непростая задача.

– Я тебя понял! Будем думать. Сейчас к нам в главк стекается информация по Первому и Второму Украинским фронтам, и во многом она совпадает с твоими личными наблюдениями. Но твои развернутые справки я бы хотел получать и дальше!

– Приложу усилия, товарищ полковник! – с готовностью ответил Романцев.

– С подполковником Кондратьевым уже познакомился? Заместителем начальника контрразведки армии? Он прибыл недавно в Тринадцатую армию.

– Да, знаком.

– Хотел тебя предупредить, будь с ним поосторожнее! Скажу так, это должно остаться лично между нами, он доверенное лицо... сам знаешь кого. Немного поработает на фронтах, и его заберут в Москву! Ты не смотри, что он такой молодой... У него хватка будь здоров! Как у бульдога! Пока душу не вытрясет, из пасти не выпустит. Не хотелось бы, чтобы возникла ситуация, когда я буду не в состоянии тебе как-то помочь.

– Спасибо, товарищ полковник, за предостережение. Буду иметь в виду!

– Если возникнут какие-то сложности... Дай знать!

Тимофей осторожно положил трубку. Теперь в Червоноармейск! О начале расследования нужно доложить начальнику военной контрразведки армии полковнику Александрову.

Штаб контрразведки армии располагался в трехэтажном здании. В первой свой приезд Тимофей видел над самой крышей следы от пробоин, заделанные

красным кирпичом. Сейчас даже следов не осталось, здание было тщательно заштукатурено, грубоватые мазки были видны по всему фасаду. У входа стоял боец с карабином и внимательно поглядывал на каждого пришедшего. Козырнув часовому, капитан Романцев прошел вовнутрь.

Полковник Александров оказался в отделе и принял капитана незамедлительно. Романцев присел за длинный стол, за которым обычно полковник проводил совещания, и тот сразу произнес:

– Ну, докладывай!

Не забегая вперед, стараясь не упускать даже малейших деталей, как того требовал Александров, Тимофей рассказал все, что увидел. Выглядел полковник, как всегда, невозмутимо, лишь карандаш в крепких пальцах, чертивший на чистом листке бумаги какие-то замысловатые фигуры, невольно выдавал его напряжение.

Когда доклад был закончен, полковник бережно, как какую-то хрупкую вещь, отложил в сторону карандаш:

– Вот что хочу сказать, по всей территории Тринадцатой армии происходит подобное. То здесь, то там офицеров убивают! Идет настоящая диверсия против командного состава. Мы уже издали приказ, чтобы офицеры не ходили поодиночке и всегда имели при себе оружие! Забывают, что идет война, думают, что здесь глубокий тыл... Ан нет! Разговаривал с коллегами со Второго Украинского фронта, у них повсюду такая же история. Будем на это реагировать очень жестко, без всякого сожаления!.. – Немного помолчав, Александров продолжил: – Вот тут мне буквально несколько минут назад доложили. Убили капитана сто десятого отдельного моторизованного штурмового инженерно-саперного батальона. – Пальцы полковника вновь ухватили карандаш и начертили ломаную линию. Грифель вдруг сломался, и Александров в раздражении откинул его в сторону. – Ведь я его лично знал, приглашал в Смерш, а он мне ответил, что у нас работа скучная. Иное дело – штурм! Они же все в броне, не так-то просто их убить! В общем, героическая личность... Всю войну без ранения прошел, а тут нашли недалеко, около одного хутора, с простреленным затылком... Разбираемся. Допрашиваем хозяина этого хутора, его домочадцев. Все в один голос твердят, что ничего не знают, ничего не видели и не слышали... Ну, это мы еще посмотрим. Но ведь разве парня вернешь? Мне тут каждый день новые донесения поступают, – слегка приподнял

объемную папку полковник. – У немцев на территории расположения нашей армии действует разветвленная агентурная сеть. В последние дни мы ощущаем их активизацию, и с чем это связано, пока понять трудно. Не то замышляется нечто серьезное, что-то вроде подрыва складов с горючим, не то они проверяют боеготовность нашей военной контрразведки. В любом случае мы должны быть готовы к любому раскладу.

– Абверовцы имеют очень сильный координационный центр. Все эти террористические акции происходят едва ли не в одно время, – заметил Романцев.

– Все так... Порой нам не хватает оперативных сотрудников, чтобы вовремя реагировать. Я тут сделал запрос в Москву. В главке располагают куда большими возможностями, чем мы... Мне сообщили, что немцы считают участок расположения Тринадцатой армии одним из приоритетных. Не исключено, что в этом месте они предпримут попытку прорыва.

– Судя по тому, что здесь происходит, на этом направлении у них работает очень опытный резидент.

– По поводу резидента... все так, его рук дело! Никто не знает, откуда он прибыл, как он выглядит. Есть предположение, что он из военных, легализовался в одну из фронтовых частей. Все бандеровские вылазки очень тщательно спланированы, с военным искусством... Любят нападать на какие-нибудь небольшие объекты: магазин, войсковую службу. Два дня назад бандеровцы расстреляли бойцов походно-починочной мастерской. Забрали все сапоги! Ясно, что не на продажу, а для пополнения своих нужд. Сапоги на войне всегда востребованы... Так что нам нужна любая информация об этом резиденте... Не буду тебя задерживать, дел у тебя много. Доложишь мне завтра, как продвигается следствие!

– Есть доложить! Разрешите идти?

– Ступай!

Последующие четыре часа Тимофей Романцев в сопровождении двух бойцов обошел близлежащие хутора в надежде отыскать возможных свидетелей

убийства старшего лейтенанта Григоренко, но все жители, будто бы сговорившись, твердили одно:

– Не бачили![8 - Не видели! (укр.)] – и старались как можно быстрее завершить неприятный разговор и спровадить нежданных гостей со двора.

Последним, к кому наведалься в этот день Романцев, был старик лет семидесяти с отвислыми длинными усами, в широкополой шляпе. Запомнились его глубоко запавшие глаза, в них – непокорность, вызов. Хмуро посмотрев на вошедших, он изрек:

– Зря ви тут шукайте, ништо вам нічого не скаже. Ви пишли, а нам тут ще з сусидами жити. А вже вони нічого не забувають[9 - Зря вы тут ищете, никто вам ничего не скажет. Вы ушли, а нам тут еще с соседями жить. А уж они ничего не забывают (укр.)].

Так что можно было считать, что день прожит зря.

Уже подъезжая на автомобиле к штабу дивизии, двухэтажному кирпичному особняку с низеньким мезонином без окон (в прежние времена усадьба какого-то зажиточного помещика), он почувствовал некоторое облегчение. Следовало немного отдохнуть, собраться с силами, а там можно и дальше впрягаться в работу.

Не успел Тимофей войти в комнату, как тут же прозвенел звонок.

– Капитан Романцев, – подняв трубку, произнес он.

– А-а, пришел, – слышался чей-то добродушный голос, – а я все звоню да звоню и никак не могу застать хозяина. В работе весь, наверное? А мне ведь переговорить с тобой нужно.

– С кем имею честь разговаривать? – стараясь скрыть раздражение, холодно ответил Романцев.

– Это подполковник Кондратьев тебя беспокоит, заместитель начальника контрразведки армии. Слышал о таком? – уже с иронией спросили у него на том

конце провода, и Тимофей посчитал это скверным знаком.

О предупреждении полковника Утехина он не позабыл. Грудину обожгло неприятным зноем. Звонок был явно не к добру. Утром они повстречались во дворе штаба, но о предстоящем разговоре подполковник не обмолвился ни словом. Выглядел доброжелательным и располагающим, пожелал хорошей дороги и крепко тиснул на прощание руку.

«Чего же случилось? – терялся Тимофей в догадках. – Может, кому-то не понравилось содержание моих писем, отправленных домой? На фронте случается и такое. Следовало быть как-то поаккуратнее».

– Слушаю, товарищ подполковник.

– Вы не заняты? – перешел Кондратьев на официальный тон.

– Занимаюсь текущими делами.

– Понимаю вас, они никогда не заканчиваются. Значит, у вас найдется несколько минут для разговора?

– Найдется.

– Тогда зайдите к нам. Нетелефонный разговор!

Видимо, за прошедшие несколько часов произошло нечто такое, что заставило подполковника Кондратьева пригласить Романцева в отдел контрразведки.

Взяв с вешалки фуражку, Тимофей, терзаемый дурными предчувствиями, вышел за дверь.

Подполковник Кондратьев сидел за своим столом и что-то сосредоточенно писал. Увидев вошедшего капитана, показал ему рукой на свободный стул, стоявший напротив, и произнес:

- Еще минуту... Посиди пока. Нужно срочно дописать донесение.

Тимофей понимающе кивнул и сел на указанный стул.

Кондратьев занимал вполне просторную комнату, которую делил с двумя офицерами штаба, чьи столы стояли у самой стены. Три окна без занавесок, выходявшие на две стороны, давали много света, отчего кабинет казался немного больше, чем был в действительности, да и потолок смотрелся повыше. Стол подполковника размещался у самого окна с видом на сжатое пшеничное поле. Надо полагать, что в минуту перерыва он не без удовольствия взирал на его бескрайность.

Наконец Кондратьев дописал, облегченно выдохнул, сложил исписанные листки в папку и упрятал их в верхний ящик стола, который тотчас закрыл на ключ.

- Наши вот-вот пойдут в наступление, а у меня тут писанины только прибавилось. - И уже по-свойски поинтересовался: - У тебя, наверное, не меньше?

- Хватает, - буркнул Тимофей, соображая, в какую сторону повернется разговор.

- Знаешь, как бойцы про нас шутят? Говорят, что ручка у нас главное оружие! Ха-ха-ха! Как это тебе?

- Да, я об этом слышал, - сдержанно ответил Романцев.

Улыбаться не хотелось. Что-то было не до веселья. Да и откуда ему, собственно, взяться?

- Что ты такой напряженный, капитан? Расслабься! Или чего-то видишь за собой? Колись, пока не поздно!

Фраза была сказана в качестве невинной шутки, самое время, чтобы наконец улыбнуться и перенять оживленный тон подполковника, любившего прикинуться свойским парнем, чтобы собеседник не ощущал разницу в звании. Но его простота и маска рубахи-парня были показными.

Не прост товарищ Кондратьев! Ох, не прост!

Впрочем, здесь мог существовать и потайной смысл, рассчитанный на человека со слабыми нервами. Вот сейчас прибывший занервничает, начнет вспоминать мнимые и явные грехи, а там, глядишь, и выложит нечто такое, чего от него совсем не ждут.

– Товарищ подполковник, – нахмурился Тимофей, – если вы считаете, что я пришел сюда для того, чтобы...

– Да не кипишись ты, а то, не дай бог, наговоришь тут мне сейчас всякого, а потом тебя задержать придется до выяснения обстоятельств! Ха-ха! Чего ты опять хорохоришься? Шутки у меня такие. Профессиональные... Моя жена говорит, что я совсем шутить не умею и своими шутками людей до инфаркта могу довести. А я знаешь, что по этому поводу думаю? Она просто настоящего юмора не понимает.

Подполковник Кондратьев был переведен в Тринадцатую армию Первого Украинского фронта с Первого Белорусского около двух месяцев назад. На освобожденной белорусской территории он сумел выявить хорошо законспирированную немецкую агентурную сеть. Надо отдать ему должное: контрразведчиком он был опытным, если не сказать – матерым. Старше Тимофея всего-то на каких-то четыре года, а на плечах уже подполковничьи погоны. Такое надо заслужить! Большие звезды на плечи просто так не падают. По тому, как он держался и как поступал, было понятно, что бремя тяжелых погон на него не давит. Должность заместителя начальника контрразведки армии для него не потолок, поговаривали, что в ближайший месяц его ожидало повышение – начальника отдела военной контрразведки Двадцать четвертой армии.

– Товарищ подполковник, все это, конечно, весьма интересно, но у меня срочные дела. Сейчас я занимаюсь расследованием убийства старшего лейтенанта Григоренко, а потом следует отправить срочное донесение в штаб фронта. Если у вас есть какие-то вопросы, задавайте!

– Ох, какой же ты все-таки колючий, Тимофей! – Кондратьев не мог не знать, что маска рубахи-парня ему определено шла. Он вообще слыл мастером перевоплощений. – Пришел бы ко мне как-нибудь по-свойски, без всяких там

дел, поговорили бы по душам, выпили бы по сто грамм наркомовских... У меня еще трофейный коньячок имеется. Уверен, он тебе понравится!

- Товарищ подполковник...

- Но уж если ты такой нетерпеливый... Хорошо, надолго я тебя не задержу. Вопрос-то – мелочовка! Я вот что хотел у тебя спросить, ты политрука Заварухина знал?

- Знал, – глухо произнес Тимофей.

- Ага... Ты бы не мог мне сказать, при каких обстоятельствах ты с ним познакомился?

К горлу подступил сухой ком. Сдавленно глотнув, Тимофей подумал: «Ничего-то ты не знаешь», – и уверенно посмотрел в глаза Кондратьеву:

- Товарищ подполковник, прошу обращаться на «вы», согласно Уставу.

- А вы, я вижу, службист, товарищ капитан, – усмехнулся Кондратьев. – Не боитесь, это хорошо... Пусть будет на «вы»... Вы бы не могли мне сказать, капитан Романцев, при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

...Свою службу Тимофей Романцев начал в Киевском Особом военном округе, так что Украина для него была не чужой. Именно здесь в июне сорок первого года он встретил войну в составе Криворожского стрелкового полка Двадцать шестой армии под командованием генерал-лейтенанта Костенко. Два месяца воевал в изнурительных позиционных боях западнее Киева в должности командира роты. Затем было длительное отступление, армия расчленилась на части, и он вместе с остатками своего полка двинулся сначала на Пирятин, а уже оттуда на Курск, где в то время размещалась линия обороны Тринадцатой армии Брянского фронта. Кто бы мог тогда предположить, что Вторая танковая группа Гудериана уже прорвала оборону Брянского фронта в районе Глухова и начала стремительное продвижение к Москве.

Еще через пять дней начался отвод войск Брянского фронта. Тринадцатая армия попала в окружение. А далее был долгий двухнедельный переход по Курской

области, уже занятой врагом. Прорвав немецкие оборонительные укрепления на рубеже Нижнее Песочное, остатки армии переправились через реку Свапу, где Тимофей едва не погиб. Его тогда сильно контузило, и, если бы не молоденький боец, втащивший его на узенький плот, едва вмещавший двух человек, следующую минуту он бы не пережил.

Дальше было немного проще – остатки армии заняли оборону на рубеже Макаровка – Львов и так вгрызлись в землю, что выбить их не могла даже массированная бомбардировка.

За несколько месяцев изнурительных боев Тимофей пережил столько всего, что такого опыта хватило бы на несколько обыкновенных жизней. Именно там, где человеческая жизнь не стоила ничего, он сумел убедиться в том, что подлость всегда соседствует с безудержной отвагой.

Уже выйдя из окружения, Романцев был переведен в Особый отдел НКВД Двадцать третьей армии Северного Ленинградского фронта, а оттуда впоследствии направлен в Смерш.

В какой-то момент ему показалось, что большую часть из пережитого он сумел позабыть, предать забвению. Во всяком случае, не вспоминал об испытанных ужасах в суете протекающего дня, они могли напоминать о себе только ночью во сне. Тогда он просыпался от ужаса, подступившего к горлу, и долго не мог уснуть. Но сейчас прошлое накрыло его воскресшими воспоминаниями, выбираться из-под обломков пережитого будет непросто.

Видимо, на его лице отобразились какие-то перемены, не ускользнувшие от внимания подполковника, и тот, заметно воодушевившись, спросил, буравя Романцева острым пронзительным взглядом:

– Так о чем все-таки молчим, товарищ капитан?

– Помню я его, – глухо ответил Тимофей.

– Слышу в вашем голосе какое-то пренебрежение, товарищ капитан. И это к политруку? Ой, не порядок!

– У меня нет пренебрежения к политруку... Есть только брезгливость к дрянному человеку.

– Ах, вот как! Так где вы с ним повстречались? – напирал подполковник.

– Политрук Заварухин прибился к нашему отряду, когда мы выходили из окружения под Киевом.

– Кто был командиром отряда?

– Я взял командование на себя.

– Сколько бойцов было в вашем отряде?

– Сначала пятьдесят три бойца, потом меньше...

– Как прошла проверка, когда вы вышли из окружения?

– Из окружения мы выходили со своим оружием и документами. Проверить нас было несложно.

– В чем состояла причина вашего конфликта с политруком Заварухиным?

– Политрук пытался взять командование отрядом на себя.

– Почему?

– Заварухин отчего-то посчитал, что является более опытным командиром. К тому же он был старше по званию. Но бойцы отказывались его слушаться.

– И что было потом?

– Он стал требовать от меня, чтобы я приказал красноармейцам подчиняться ему. Я отказался.

– Почему?

- Они ему не доверяли. Ведь окружение – это не плац, где строевым шагом нужно ходить! Вся дисциплина на личном авторитете держалась.

- Хм, занятая вырисовывается история. А что конкретно вы ему ответили?

- Честно?

- Хотелось бы, как на духу! – заулыбался Кондратьев.

- Послал его «по матушке»!

- Примерно так я и подумал... Как-то непочтительно, что ли, получилось. Почему же вы решили его проигнорировать?

- Какой он командир, мне неизвестно, но я не имел права доверять жизнь своих бойцов и свою лично... извините меня за подробности... какому-то капризному человечешке.

- Как же он отреагировал?

- Сказал, что не простит мне неподчинения и обязательно доложит куда следует.

- А ведь он и доложил.

- Нисколько не сомневался и ждал последствий... Только непонятно, почему об этом вспомнили через столько времени?

- Видно, не сочли нужным... Я же вижу ситуацию совершенно иначе. Хотя в вашем личном деле эта ситуация отражена. Тут может и трибуналом закончиться.

- Это уже зависит не от меня... Во всяком случае, я вывел бойцов живыми из окружения, – хмыкнул Романцев и добавил: – Значит, я не ошибался в своих оценках... Вот она, благодарность от политрука Заварухина за то, что я вывел его живым.

Подполковник Кондратьев выглядел серьезным, от прежнего балагура, каковым он хотел выглядеть в начале разговора, не осталось и следа:

– А спросил я об этом деле вот почему... Политрук Заварухин считает себя правым и продолжает писать жалобы о вашем недостойном поведении, об игнорировании приказов вышестоящих командиров, а также о ведении вами антисоветской агитации. – Полковник выждал паузу. Лицо капитана Романцева окаменело. Заявление было серьезным. – Меня попросили еще раз проверить ваше дело, в особенности этот случай, и дать подобающую оценку произошедшему... Я досконально изучил ваше личное дело, и вот что я хочу вам сказать... Никакой антисоветской агитации я не нашел. Бойцы, которых вы вывели из окружения, подтверждают это. Для политрука ответы красноармейцев – большой минус в личном деле... Своими необоснованными заявлениями он попытался ввести военную контрразведку в заблуждение. Особый отдел также довольно серьезно пообщался с бойцами, которых вы вывели из окружения. Они все за вас горой! А вот о политруке Заварухине отзывались с большой неприязнью. Чем же вы так подкупили бойцов? – неожиданно широко улыбнулся Кондратьев.

– Я не знаю, что они говорили, но медом я их точно не потчевал. Да и меда там не было... Наоборот, держал бойцов в строгости, лишнего не позволял. В армии, а тем более на фронте, без этого нельзя.

– Про вашу строгость мне тоже известно, поговорим об этом попозже... Ну, а сами-то что вы думаете, почему они о вас так хорошо отзывались?

– Возможно, благодарны за то, что удалось выйти живыми из окружения... Правда, вывести удалось не всех. Были серьезные столкновения с немцами.

– Я читал ваши объяснительные, – вновь заговорил официальным тоном подполковник. – Надо сказать, довольно увлекательное чтение, но в них вы рассказали далеко не все.

– И что же именно я упустил?

– Капитана Рогова помните?

- Помню, - негромко произнес Романцев.

...Капитан Рогов прибил к его группе с двумя бойцами сразу после окружения. О себе он рассказал немного и очень неохотно: воевал в сто сороковой стрелковой дивизии на должности командира батальона. Под Уманью дивизия была разбита танковой колонной и рассеяна, а сам он, получив серьезную контузию, долго пролежал в беспомощности. А когда пришел в себя, попытался выйти к своим; шел ночью, чтобы не быть обнаруженным. Несмотря на офицерские погоны, он безоговорочно принял командование Романцева. Но однажды к Тимофею подошел старшина с обожженным лицом и посоветовал присмотреться к Рогову.

- А в чем дело? - удивившись, спросил капитан.

- Фотографию я у него видел, а на ней здания немецкие, и не по-нашему на них написано.

- Это все?

- Нет, не все. На этих фотографиях дети. Уж больно он смотрел на них любовно, я по взгляду понял, что они его. А еще он от нашего табачка морду ворочает.

- Так, может, он не курящий, - усмехнулся тогда Романцев.

- Курящий он, - убежденно заверил старшина. - Вот только, когда закуривает, всегда в сторонке садится.

- И почему, по-твоему?

- А потому, что дым от этого табачка у него не наш, а немецкий! Я такой дым сроду не нюхал. Вы бы его допросили, товарищ старший лейтенант, ой, не нравится он нам! Честно вам скажу, мы тут решили, что примем свое решение... правильное! Вы уж не обессудьте, товарищ старший лейтенант, боимся, как бы под пули нас не завел.

- Пойдем, посмотрим, - сказал Тимофей.

Капитан Рогов сидел немного в стороне от остальных бойцов. При приближении Романцева и старшины его лицо слегка напряглось. Или все-таки показалось?

- Вы коммунист? - спросил Романцев.

- Как и всякий настоящий офицер, - спокойно отреагировал Рогов.

- Покажите ваш партийный билет.

- Вы его уже смотрели.

- Нет, я смотрел ваш военный билет.

Вопрос о партийном билете был задан не случайно: в случае пленения при первом же обыске обладателя партийного билета немцы расстреливали без промедления. Так что, оказавшись в окружении, многие избавлялись от партийного и комсомольского билетов, как от неминуемого смертного приговора. Берегли только настоящие коммунисты, такая уж была обстановка.

- Хм, - усмехнулся Рогов, - понимаю, к чему вы клоните. Он зашит у меня за подкладкой, мало ли чего может случиться. Не рвать же мне ткань!

- А вы порвите, - настаивал Романцев. - Сейчас как раз тот самый случай.

Разговор двух офицеров привлек внимание остальных бойцов, собравшись в полукруг, они ждали, чем закончится напряженная беседа. Романцев обратил внимание, что многие из красноармейцев взирали на Рогова с откровенной нелюбовью.

Чем же он так не угодил им?

- Ну, если вы настаиваете, - равнодушно пожал плечами капитан и, разорвав полы гимнастерки, вытащил из него партбилет, завернутый в холщовую несвежую тряпицу. - Извольте взглянуть? - протянул он документ.

Романцев внимательно осмотрел партбилет, пролистал страницы: фотография приклеена должным образом, ни смазанных печатей, ни потертостей в

персональных данных; листы тоже все на месте. Все как полагается, не придерешься!

Рогов беспокойства не проявлял. Напротив, взирал с интересом, даже слегка улыбнулся пару раз.

– Возьмите, – вернул Тимофей партбилет.

– Значит, убедились? – усмехнулся Рогов. – Вот только жаль, иголки с ниткой нет, не знаю, как и зашивать.

– Хочу напомнить, – уже строже произнес Романцев, – партбилет держится не на заднице, а хранится на груди, у самого сердца. У вас есть еще фотографии? Покажите мне их!

В этот раз по лицу Рогова пробежала едва заметная тень, это не был страх или нечто ему родственное, но вот фотографии показывать он определенно не желал.

– Предположим, и что с того?

– Мне бы хотелось на них взглянуть.

– Товарищ старший лейтенант, – произнес Рогов, слегка повышая голос, – а вы чувствуете разницу между общественным и личным? Это мои фотографии, и показывать я их никому не собираюсь, – и, снова усмехнувшись, добавил: – Если только партийное собрание не обяжет.

Капитан оставался весел, что никак не вязалось с его лицом, продолжавшим хранить суровое выражение. Присутствовало в нем какое-то барство, отличавшее от остальных командиров. И это злило! Вот только эмоции следовало упрятать поглубже.

– Прекрасно представляю, – отозвался Тимофей и властно потребовал: – Фотографии!

Пожав плечами и всем своим видом давая понять, что подчиняется насилию, Рогов расстегнул нагрудный карман гимнастерки, вытащил из него два снимка и протянул их Романцеву:

- Только, пожалуйста, поаккуратнее. Они у меня единственные.

На первой фотографии была запечатлена милостивая женщина, по обе стороны от которой стояли мальчишки: лет восьми и десяти. Наверняка ее дети, уж слишком много на ее лице было отображено любви. Позади них возвышалось здание с полукруглыми балконами и богатой лепниной, на которой польскими буквами было написано «Lawka». На втором снимке женщина держала одного малыша на коленях, а второй, немного постарше, стоял рядышком.

- Кто это?

- Моя жена и дети.

- За границей отдыхаем?

- Это Львов. Там находится мой дом. Эта раньше он был за границей. До девятнадцатого года город был под властью Габсбургов, с девятнадцатого по тридцать девятый – в составе Польши. А вот с двадцать второго сентября тридцать девятого по сорок первый он вошел в составе Украинской Советской Социалистической Республики, – со значением произнес Рогов. – Разумеется, со всеми людьми, что там находятся. Я – такой же советский гражданин, как и вы. Кстати, вы должны об этом помнить, ведь именно Шестая армия Киевского Особого военного округа вошла во Львов. Ведь вы же в этом округе служили?

- Вот только, в отличие от вас, день вхождения нашей армии во Львов я не помню, – натянуто произнес Тимофей, ощущая какое-то внутреннее сопротивление капитана.

- Все так, товарищ старший лейтенант, потому что Львов – это не ваш родной город. Что было со мной дальше? Дальше окончил школу красных командиров и мне было присвоено офицерское звание. Воевал на Зимней войне [10 - Война с Финляндией.]. А вас что-то беспокоит?

Доводы основательные, веские. С такими не поспоришь, но сдаваться просто так не хотелось.

– А табачок у тебя откуда? – сурово спросил угрюмый старшина с обожженным лицом.

– А чем тебе мой табак не нравится?

– Уж больно дым от него ароматный идет, как от немецкого.

– Боец, а я смотрю, вы эксперт по табаку. Может, потому, что вы, кроме дедушкиного самосада, ничего другого и не курили? А я вам могу сказать, что курил и немецкий табак, и российский, доводилось курить американский и даже сигары. Их премьер-министр Великобритании особенно уважает. –

Поморщившись, Рогов добавил: – По мне, так сигары – дрянь редкостная. Хотя табак крепок! Лично я предпочитаю балканский табак, «Герцеговина Флор». Слышали о таком? У него аромат особенно приятен. Герцеговина – это местечко такое в королевстве Югославии. А табак этот сам товарищ Сталин курит. Не станете же вы всех, кто курит этот табак, в шпионы записывать... Вместе с товарищем Сталиным, – с ухмылкой поинтересовался капитан Рогов.

– Ты товарища Сталина не трожь! – подался вперед старшина.

– Отставить! – гаркнул Тимофей. – Нам еще собачиться между собой не хватало! Все, разошлись! Это приказ! Считаю вопрос закрытым. Документы у капитана в порядке, проверил. А что касается «Герцеговины Флор», так его действительно товарищ Сталин предпочитает.

Красноармейцы расходились неохотно, явно разочарованные результатами следствия. Последним отступил и обожженный старшина.

– Не нравится мне твоя слащавая рожа, капитан, – хмуро обронил он напоследок. – Чувствую, смердячиной от тебя тянет.

– Мне твоя тоже не нравится, старшина. Но не убивать же из-за этого... У нас еще будет с вами возможность поговорить пообстоятельнее, когда мы выйдем к своим.

– Вот только до них сначала добраться нужно, – сквозь зубы процедил тот.

До самого вечера, забравшись в глубину лесной чащи, переживали проходящие мимо немецкие колонны, двигавшиеся нескончаемым потоком на восток. Иногда, приносимые порывами ветра, были слышны звуки далекой канонады, а значит, фронт отодвинулся дальше километров на сто и двигался он быстрее, чем они шли. Нужно было пройти это расстояние и при этом остаться в живых.

Отряд Романцева был разношерстный: по возрасту, по военной специальности, по месту службы, по жизненному опыту. По характеру тоже были разные: кто замыкался, а кто-то вдруг начинал проявлять характер. Среди бойцов выделялся старшина с обожженным лицом, воевавший еще на Халхин-Голе. Строптивный, дерзкий, не терпевший слов, сказанных поперек. Но к Романцеву относился уважительно. Несколько человек были артиллеристами, прошедшими Финскую войну. Немало было совсем молодых бойцов, призванных перед самой войной.

– Товарищ старший лейтенант, – подошел к Романцеву старшина. – Мы тут с бойцами поговорили... У них такое же мнение, как и у меня. Не верим мы капитану... Есть в нем что-то гнилое. Народ подобрался непростой. Спорить я с ними не стал, но хотел бы предупредить, если с этим Роговым что-то случится... не подумайте, что я.

– Я тебя понял, старшина. Не подумаю.

Кивнув, старшина отошел. Сумерки стремительно сгущались, минут через пятнадцать следовало выдвигаться, да и на дороге было не так шумно – можно было ее пересечь и идти дальше на восток. Бойцы, не дожидаясь команды, затушили небольшой костерок, проверили в который раз оружие, подтянули все ремни, подправили обмундирование, готовясь к длительному переходу.

Капитан Рогов оставался вызывающе бодр, и, похоже, предстоящий переход его совсем не угнетал. Доброжелательно улыбнулся подсевшему рядом Романцеву и предложил табачку:

– Может, закурите, товарищ старший лейтенант? Как-то оно помогает.

– Не время, – отказался Тимофей, – скоро выходим. Будем идти всю ночь.

В глазах Рогова сквозило некоторое ожидание, видно, догадывался, что Романцев подсел к нему не случайно. Но разговор не торопил, терпеливо ждал, когда Тимофей заговорит о главном. В свою очередь, Романцев внимательно присматривался к Роговому: гордец, упрямец и, похоже, ничего не боится. Трудно разгадать, какие именно черты поселились у него в душе. В сравнении с остальными, выглядевшими подавленными от долгого унижительного отступления, капитан смотрелся молодцом, словно сбитые в дорогах ноги не про него. Даже иной раз посвистывал какую-то замысловатую опереточную мелодию, чем невероятно раздражал измотанных бойцов. Складывалось впечатление, будто капитан идет не по захваченной врагами территории, а участвует в боевых учениях. Вот сейчас закончится очередной марш-бросок, и можно будет малость передохнуть, утереть пот со лба и потравить какие-то забавные житейские истории. Вот только нет никаких учений, а есть война, где можно в любую минуту получить пулю в живот или напороться на мину. Нужно топтать к своим, несмотря на голод и смертельную усталость, чтобы собраться с силами и гнать врага в обратную сторону.

– Тут вот какое дело... У меня к вам претензий никаких нет, люди бывают разные, и нужно это принять. Но бойцам всего этого не объяснишь. Я не могу за них ручаться и контролировать всецело ситуацию тоже не в силах...

– Кажется, я вас понял, вы хотите, чтобы я ушел, – перебил Рогов. – Иначе меня могут убить.

– Если быть предельно откровенным, то да.

– Нечто подобное я предчувствовал, – кивнул Рогов. – Уж больно взгляды бойцов мне не нравятся. Хорошо... Буду плестись где-нибудь в хвосте, а там просто уйду в лес. Надеюсь, не повторю тех ошибок, что были в вашем отряде. Спасибо за предупреждение!

Еще через полчаса отряд Романцева двинулся на восток. Капитан Рогов пристроился замыкающим. А когда Тимофей оглянулся минут через пятнадцать, то его уже не было. Более он с ним не встречался...

– Что вы можете сказать о Рогове?

– Капитана Рогова я знал всего лишь несколько дней. Бойцы его не любили, в чем-то подозревали. Но я проверил у него документы, в том числе партийный билет, и не нашел ничего такого, что могло бы подкрепить их подозрение. Правда, он был не похож на остальных, это надо признать. Было в нем какое-то барство. Не знаю, откуда оно в нем... Потом мне стало известно, что бойцы просто хотят устроить над ним самосуд, и, чтобы этого не произошло, я посоветовал капитану уйти из отряда. Во время одного из переходов он затерялся в лесу. Как дальше сложилась его судьба, я не знаю. Больше его не видел и ничего о нем не слышал. Все это я уже подробно рассказывал при первом разбирательстве.

– Да. Мы проверили. Капитан Рогов пропал без вести.

– Здесь моей вины нет. Без вести пропал не только он один. Ему не повезло. Повезло другим, мне, например, и моего отряду, сумевшим выйти из окружения. А ведь порой казалось, что это невозможно.

– В вашем отряде много было офицеров?

– Семеро.

– Но подчинялись бойцы только вам, несмотря на то что они были старше по званию.

– Так точно... Были и такие офицеры, которые отсеивались по ходу движения. Их тоже было много. Всех не запомнишь, – хмуро ответил Романцев. – Много было перестрелок. Однажды вошли в деревню, а там немцы... Устроили за нами погоню с разыскными собаками, насилу оторвались, пришлось пробираться через топкие болота, где и тропы-то никакой не было. – Немного помолчав, он добавил: – Но я помню лицо каждого бойца, которого вынужден был отправлять на смерть.

– У нас нет никаких претензий к вашим поступкам во время выхода из окружения. Действовали вы, как опытный офицер, – ровным голосом признал подполковник Кондратьев. От приятельской интонации не осталось и следа, сейчас с ним разговаривал искушенный оперативник, имевший железную хватку. Для Кондратьева этот разговор был сродни шахматной партии, которыми он баловался в редкие минуты отдыха. Имел он на Романцева что-нибудь

поконкретнее, беседа протекала бы в другом ключе. Чего же он тогда от него хочет? – Все красноармейцы, выведенные вами из окружения, в один голос утверждали, что у вас ярко выраженные лидерские качества. Установили железную дисциплину, пресекали всякую партизанщину.

– Да, это так. Если бы случилось как-то по-другому, то наша встреча просто не состоялась бы.

Кондратьев очень внимательно посмотрел на капитана, потом взял со стола лист бумаги и продолжил:

– Но тут вот какое дело... Политрук Заварухин пишет, что вы приказали расстрелять перед строем двух красноармейцев. Их фамилии Хворов и Мустафин. Это правда или он все-таки вас оговаривает?

...Упомянутый случай произошел на семнадцатый день окружения неподалеку от села Хавроши, когда они пробирались к основным частям. Двигались лишь ночью, опасаясь быть обнаруженными, а днем, спрятавшись в укрытие и выставив караул, отдыхали. Существовал большой риск напороться на минные поля, но, видно, удача была на их стороне, а может, просто поступали крайне осмотрительно, стороной обходя подозрительные места.

Едва ли не каждую ночь приходилось вступать в кратковременные перестрелки, но немцы, увлеченные наступлением по всему фронту, не особенно отвлекались на мелкие группы частей Красной армии, находящихся у них глубоко в тылу.

Рядовые Хворов и Мустафин заступили в караул, когда отряд устроился на длительный привал: следовало осмотреть и перевязать раненых бойцов, отдохнуть, перекусить из скудных запасов и решить, как действовать дальше. Связь с командованием пропала, но штаб округа эвакуировался в Пирятин. Значит, нужно было следовать в этом направлении.

Во время проверки постов выяснилось, что часовые, прихватив с собой несколько гранат и патроны, скрылись в лесу. Организовывать преследование было опасно: решили упрятать следы своего пребывания и незамедлительно двигаться дальше. Еще через два дня на сбежавших бойцов натолкнулась разведгруппа, вышедшая в дозор, – разбив небольшой бивак, дезертиры спали под открытым небом, отложив карабины в сторону. Их тотчас обезоружили, связали и привели

в расположение отряда...

– Нет, все было не так... Я их не расстреливал, – глухо произнес Романцев.

– Ах, вот как? – удивился подполковник. – Вы хотите сказать, что политрук Заварухин слукавил?

– Правильнее сказать, у политрука Заварухина проблемы с памятью... Нам было жаль патронов... Я приказал их повесить. А потом, в том месте, где мы находились, шуметь было нельзя.

– А вам известен приказ товарища Сталина о командирах, злоупотребляющих своей властью? Вместо того чтобы заниматься воспитательной работой, использовать метод убеждения, они просто подменяют повседневную разъяснительную беседу откровенными репрессиями, – строгим тоном проговорил Кондратьев. – Вам известно, что в результате самодурства или просто из-за вседозволенности некоторые офицеры перешли через край! – Подняв напечатанные листы, он продолжал: – Вот здесь у меня лежит донесение, что командир полка застрелил сержанта только потому, что тот медленно слезал с машины. Видите ли, чести ему особой не оказал... А этот сержант был геройский парень! Раньше времени из госпиталя выписался после ранения в руку, чтобы в свою часть попасть! Рука у него не зажила как следует, поэтому он и не смог быстро сойти с кузова. Да вот, на свою беду, натолкнулся на такого офицера-самодура! Полковника, конечно, судил трибунал, наказали по всей строгости, но сержанта очень жаль... А вот другой случай, – вытащил Кондратьев из кипы бумаг еще одно донесение. – Полковой комиссар избил красноармейца только потому, что тот закурил в его присутствии. И таких записок с превышением полномочий у меня предостаточно! На каждый такой случай мы реагируем незамедлительно, и виновный получает по заслугам!

Романцев нахмурился. Своей вины он не ощущал, действовал строго по Уставу, а Кондратьев упорно уводил его в спорную зону, где озвученный приказ можно истолковывать двояко.

– А как тогда прикажете относиться к предателям Родины? Мало того что эти двое трусили, так они еще подвергли смертельной опасности своих боевых товарищей, расположившихся на отдых. Если бы мы не заметили вовремя их отсутствие, то немцы могли бы нас взять в плен или просто расстрелять

спящими! Такие случаи не единичны, и вы об этом знаете не хуже меня, – выдержал Тимофей взгляд подполковника.

– Меня смущает другое, ваше решение пахнет партизанщиной, а вы все-таки командир регулярной армии, пусть и находившейся в окружении.

– Предатели были приговорены и расстреляны данной мне властью в период боевых действий. На это тоже есть особый приказ товарища Сталина.

Подполковник Кондратьев немного помолчал, после чего со значением произнес:

– Вижу, у вас есть ответы на все мои вопросы. Хорошие они или плохие, это еще предстоит решить, но вы мне объясните такой случай: у одного из офицеров, влившихся в ваш отряд, обнаружилась немецкая листовка. Как же вы с ним изволили поступить?

Кондратьев обладал недюжинным чутьем, оперативной хваткой, выбраться из его «дружеских объятий» было непросто. Впившись взглядом в Романцева, он старался подмечать малейшее движение лицевого нерва.

– Действительно, такой случай был... Речь идет о старшем лейтенанте Несчетном Глебе Валерьевиче, заслуженном офицере, награжденном в Финскую орденом Боевого Красного Знамени...

– Вы видели его документы?

– Так точно! Ничего такого я не обнаружил. Военный билет был в порядке.

– Продолжайте.

– Наша дозорная группа натолкнулась на него уже истекающего кровью в одном из оврагов, где он скрывался от немцев. Ранен он был в руку. Пролежал бы еще день-другой, и спасти его было бы уже нельзя.

– Значит, вы с ним побеседовали?

– Да. Записал его фамилию, имя, из какой он части. Все это зафиксировано в моем блокноте. Потом все сказанное мною подтвердилось особистами.

– Вы не интересовались, откуда он родом, кто его родители?

– В окружении было не до политбесед, нам нужно было выжить.

– Что было потом?

– У нас оставались кое-какие медикаменты. Наш фельдшер обработал его рану, наложил чистую повязку. Дело пошло на поправку. Потом красноармеец Баширов доложил мне, что видел у Несчетного листовку.

– А я вот полагаю, что вы ошибаетесь, у меня был обстоятельный разговор с бойцом Башировым, он рассказал, что старший лейтенант был некурящим. И со слов Баширова, прежде чем Несчетный положил листовку в карман, он внимательно ее прочитал.

– Баширов не докладывал мне о таких деталях. Хочу сказать одно, когда я проверял у старшего лейтенанта документы, то никаких листовок не видел. Даже если она у него и была, то он использовал ее в качестве курева.

– Вам известно, что произошло между Башировым и Несчетным?

– Знаю, что они не ладили, – несколько устало произнес Романцев. – Всякие конфликты я старался пресекать в корне, но за всеми отношениями я уследить не мог. Может, между ними случилось что-то и посерьезнее, но я не в курсе.

– Что потом стало с этим Несчетным?

– К сожалению, он был убит в одном из столкновений, – выдержал Тимофей жестковатый взгляд подполковника.

– Почему вы отказались от назначения в Москву?

– Мне поручено расследовать убийство старшего лейтенанта Григоренко, и я хочу довести дело до конца.

– Вы свободны, товарищ капитан, – сухо произнес Кондратьев и уткнулся в бумаги.

От казенной строгости подполковника на душе у Тимофея малость отлегло.

Глава 3

Беги, емое!

Романцев вернулся в штаб дивизии. Прочитал полученные донесения от осведомителей. В них не содержалось ничего такого, что было бы достойно внимания: кто-то жаловался на скудное питание, кому-то не дали обещанный орден, а кто-то, не обращая внимания на предупреждения командиров, собирал с земли немецкие листовки на раскрутку. Здесь тоже было свое объяснение: в последнее время с бумагой возникла некоторая напряженка, бандеровцы подожгли склад с имуществом, в котором сгорело десять тонн бумаги, предназначенной на курево.

Тимофей решил пройти на передовую. Все-таки его работа не только штаб, а общение с личным составом. Возможно, кому-то захочется выговориться, а кого-то и подбодрить нужно. На войне любая помощь впору!

Закрыв дверь штаба, он вышел в коридор. Ему навстречу двинулся сержант Сорочан:

– Товарищ капитан, а вы далеко?

Капитан невольно усмехнулся: вот разбаловал бойцов, скоро они рапорт начнут с него требовать, и весело спросил:

– Для какой надобности интересуетесь, товарищ сержант?

– Старшина Щербак приказал присматривать за вами. Ведь что делается-то в округе!

– Ах, вот оно что. А сам-то он где?

– У него дело какое-то в штабе полка образовалось, – широко заулыбался боец.

– Какое еще дело? – удивился Романцев. – Почему я об этом ничего не знаю?

– Дело личного характера. Ему там одна связистка нравится, Марусей ее зовут. Только, на мой взгляд, ничего ему там не светит. Не он первый к ней подкатывает.

– А я думал, что его ничего, кроме службы, не интересует. Схожу к бойцам, посмотрю, что там.

– Тогда мы с вами, товарищ капитан, – вскинулся сержант и, не дожидаясь согласия Тимофея, окликнул стоявшего невдалеке бойца: – Ткачук, ко мне!

Романцев неодобрительно покачал головой, но возражать не стал, понял, что не подействует, все равно увяжутся – боялись старшину Щербака, которого считали пострашнее средневековой чумы!

– Хорошо. Знаю, что не отстанете!

Штабной «Виллис» с открытым верхом стоял у самого крыльца. Тимофей уверенно сел за руль, терпеливо подождал, когда разместятся бойцы, после чего серьезно поинтересовался:

– Ну что, теперь можно ехать?

– Все в порядке, товарищ капитан, ежайте! – ответил Сорочан.

– Ну, спасибо!

Подъехали к деревушке Ковила, за огородами сразу начиналась передовая. Машину Романцев остановил метров за триста от линии окопов, поставив ее за небольшой сарай таким образом, чтобы была не на виду. Поднялся на пригорок, поросший хлипким лесом, и посмотрел вниз. С него хорошо просматривалась

ячеистая линия обороны, растянувшаяся фронтально километров на десять, она плавной кривой огибала лесок и прямой линией сбегала к небольшой шустрой речке. Оборонительные позиции состояли из трех укрепленных полос, отстоящих друг от друга метров на пятьсот. На первой полосе три линии окопов с ходами сообщения, служащими для переброски подразделений на передовую и для эвакуации в тыл, построены блиндажи и специальные убежища, так называемые «лисы норы», рассчитанные на двух-трех человек, в которых можно укрыться во время артобстрела. Искусно вписываясь в рельеф, позанимав господствующие высоты, стояли бетонированные доты, а впереди окопов понатыканы противотанковые «ежи».

На линии соприкосновения последние две недели образовалось некоторое затишье. Красноармейцы, воспользовавшись передышкой, занимались обычными житейскими делами: приводили обмундирование в порядок, брились у осколка зеркала, мусоля огрызки карандашей, писали домой письма.

Лишь иной раз случались вялые стычки, гремели непродолжительные артобстрелы. Все это напоминало оппозиционную войну. Но возникшая ситуация долго не продлится: о предстоящем наступлении были наслышаны все. Его ощущение просто витало в воздухе. Вот только никто не мог знать, когда оно начнется. Затянувшееся ожидание тяготило, действовало на нервы.

Неожиданно в первой линии окопов Тимофей рассмотрел какое-то оживление. Доносились отдельные крики, а со стороны немцев вдруг усилилась стрельба – прозвучали короткие лающие очереди. Достав бинокль, Романцев приложил его к глазам.

От немецких позиций, пересекая простреливаемое поле, в сторону передового рубежа расторопным зайцем бежал солдат. Ему невероятно везло – пулеметные очереди буравили у самых его ступней землю, заставляли пригибаться, петлять, он вовремя прыгал в воронки, дожидался, когда утихнет стрельба, затем быстро поднимался и вновь совершал стремительные броски вперед. В какой-то момент он упал, заставив многих ахнуть. Казалось, что солдат более не поднимется, но через минуту он вскочил и снова кинулся к окопам под одобрительные крики красноармейцев. То была настоящая игра со смертью, которая буквально заволаживала, парализовывала, не давала возможности отвести взгляд.

Романцев, сопереживая бегущему солдату, неожиданно для себя начал негромко приговаривать:

– Ну, давай, беги!.. Беги, е-мое!.. Только не падай...

Будто бы услышав его мольбу, боец вновь выскочил из воронки, ловко перекатился в другую. У самой его головы фонтанчиком брызнула земля, заставив поглубже врыться в землю. От разрыва снаряда вздрогнула земля, обдав его комьями спекшейся глины.

Столь же внимательно наблюдал за бежавшим и капитан Ерофеев. Выглянув из своей ячейки, он не удержался от восклицаний:

– Беги! Не упади... Мать твою!..

Раза два Ерофеев невольно ахнул, когда беглец, спотыкаясь, вдруг упал на землю, но облегченно вздохнул, увидев, что ему удалось подняться и продолжить стремительный бег.

До первой линии окопов оставалось каких-то метров двести пятьдесят. В мирной жизни расстояние небольшое, но для войны – невероятно длинная дистанция. Здесь можно погибнуть на каждом шагу. Не удержавшись, капитан прокричал стоявшему рядом пулеметчику:

– Давай поможем хлопцу! А ну-ка, вдарь длинной очередью по левому флангу! – Трескуче заработал пулемет, заставив прекратить стрельбу. – Так его, гада!! Попал! Давай еще!.. Ну-ка, дай, я попробую! – оттеснив пулеметчика, Ерофеев поддержал бегущего длинными очередями, заставив немцев пригнуться. – Теперь по правому вдарим! Ага, заткнулись, гады!

Воспользовавшись образовавшейся паузой, боец, пригнувшись, что есть силы устремился к первой линии окопов. Упал, уткнувшись лицом в перепаханную осколками землю, но уже в следующую секунду вскочил пружиной и, обманув припасенную для него пулю, прыгнул на бруствер и скатился прямо на самое дно окопа под ноги возбужденных красноармейцев.

– Ну, ты, брат, даешь! – воскликнул кто-то из бойцов. Я в своей жизни таких везунчиков еще не встречал!

– Сразу видно, в рубашке родился! – дружно загудели остальные.

Подхватив упавшего под руки, поставили его на дно окопа и одобрительно хлопали по плечам, спине.

- Посмотри, даже царапинки на нем нет.

Перепуганный, покрасневшийся, беглец и сам не верил в свое чудесное спасение. С какой-то виноватой и смущенной улыбкой он посматривал на обступивших его красноармейцев, восхищенно взиравших на него. Равнодушных не оставалось, а капитан, уже немолодой дядька лет под пятьдесят, подвинув костистым плечиком плотную толпу, счастливо улыбался и крепко тискал в объятиях перебежавшего бойца:

- Как же тебе удалось-то? Вот как?

Перед ним стоял тщедушный молодой солдатик, от силы лет двадцати. Смущаясь от всеобщего внимания, он как-то неловко, даже немного застенчиво пожимал плечами, а потом просто объяснил:

- Даже не знаю как... Просто жить очень хотелось. - И тут же жалостливо протянул: - Закурить бы мне, братцы, уж и не помню, когда в последний раз табачок смолил.

- Кури, браток, - протянул сигарку коренастый боец, стоявший рядом. - Только запалил. Табачок что надо. Крепкий! До самых кишок пробирает. Затягивайся на здоровье!

- Да постой ты, - попридержал коренастого боец лет тридцати пяти с орденом Боевого Красного Знамени на порыжевшей гимнастерке. - Чего парня дедовским самосадам травить? От него даже тараканыдохнут! Ты вот лучше мой табачок попробуй... Трофейный! Дымок сладкий, будто конфету жуешь.

Солдатик робко потянулся к умело скрученной махорке.

- Погодь, лучше возьми у меня папироску, - громко произнес капитан, раскрыв дюралевый трофейный портсигар. - Это тебе не какой-то там фрицевский табак. Немцы в куреве ни хрена не смыслят! Они больше для форса курят. А нам, русским солдатам, что покрепче подавай! А потом, такого табака ты во всей

дивизии не сыщешь. Знаешь, оставлял его про запас... Думаю, вот как пойдём в наступление, как вдарим фашистам под самый хвост, тогда и закурю где-нибудь в немецких окопах. Но раз такой случай, так чего жалеть!

Солдатик был неказистый, тощий, какой-то весь угловатый, смотрел на окруживших его бойцов с опаской, будто ожидал какого-то подвоха. На узких, ещё не сформировавшихся юношеских плечах грубоватыми складками свисала истлевшая гимнастерка, явно с чужого плеча. Через дыры на штанинах виднелись почерневшие худые бедра. На ногах – стоптанные старые кирзачи с драными голенищами.

С первого взгляда он вызывал жалость. Именно таким достаётся больше всего: и нагоняй от начальства, и самая черная работа, первая пуля – тоже про них. Большинство таких недотеп погибают в первом же бою, а вот этому повезло. Оставалось удивляться милосердию судьбы, столь трепетно оберегавшей тщедушное тельце.

Тонкая ладошка бережно взяла предложенную папиросу. Красноармейцы, принимавшие участие в разговоре, одобрительно и понимающе закивали, сполна оценив щедрость ротного. Папиросы на передовой – вещь не частая и особо ценимая. Если и выпадает счастье затянуться таким табачком, так только одну на двоих. Такой удачный перекур воспринимался как праздник и напоминал о гражданской и такой далекой мирной жизни. Более привычен для солдат самосад, который в ходу от простого солдата до командира полка.

Взяв папиросу, беглец прикурил от предложенного огонька и глубоко, насколько позволяли его скукожившиеся легкие, втянул в себя горьковатый дымок.

– А хорошо, братцы! Лучшего табачка в жизни не курил.

– Тебя как звать-то? – добродушно спросил капитан Ерофеев и отцепил от ремня флягу.

– Макар.

– Хорошее имя. Русское, старинное. А родом откуда будешь?

– Из-под Могилева, – отчего-то сконфузившись, произнес паренек.

Капитан одобрительно кивнул и скупно улыбнулся:

– И город хороший. Бывал я в этом городе. В зелени весь, как сад! С этим городом у меня кое-какие воспоминания связаны. Дивчина одна в нем жила, женихался я с ней, да вот... как-то не случилось. А вот теперь даже не знаю, жива ли.

Докурив, паренек закрыл лицо руками и совершенно по-детски шмыгнул носом:

– Не смотрите... Сейчас пройдет... Столько было... Ведь живой! Сто раз могли убить. А я себя всегда невезучим считал. Ведь другие были лучше меня, удачливее, а они в земле лежат. Я сейчас... Я успокоюсь... Вы простите меня, – утер он рукавом слезы. – Тут столько горя, а я о своем.

– Глотни спиртику, успокоиться тебе надо. Он сейчас в самый раз будет, как лекарство, – посоветовал ротный. – Не бойсь, разбавлен как надо, не обожжет! Можно сказать, что ты второй раз родился. Не каждому так везет, паря! Такая стрельба была, в соседней дивизии слышно было!

Макар сделал два глотка и устало присел на брус:

– Крепкий... Братцы, кажись, я захмелел. Голова кругом пошла.

– Это с непривычки. Ничего, закалишься на наркомовских! – пообещал коренастый солдат.

– Может, у вас хлеб найдется? Давно ничего не ел.

– Прохоров! – строго окликнул капитан ординарца. – Что такое получается? Парня спиртом напоили, а закуски не дали! Это как же мы гостей встречаем? Как-то не по-христиански получается! Давай, принеси похлебку с хлебом и еще что-нибудь... У меня там в вещмешке еще кусок сала заныкан, тащи его сюда! Ну что ты на меня так осуждающе смотришь?

– Товарищ капитан, вы же сказали, до случая.

– Чего жмешься, Прохоров? Сейчас и есть тот самый особенный случай! К нам гость с той стороны прибежал, уцелел чудом, а ты для него кусок сала жалеешь. Ты, случайно, не хохол?

– Бабка у меня была украинкой.

– Во-во, сразу видно!

– Сейчас принесу, товарищ капитан, – сдался ординарец и тотчас скрылся в блиндаже.

Выскочил через минуту, держа в одной руке литровой котелок, до самых краев наполненный борщом, в другой – кусок хлеба с салом.

– Вот держи!

Макар ел быстро, но не жадно, уверенно справлялся с голодом, который буквально излучали его большие серые глаза. Добрался и до сала. Сначала вволю надышался его пряным перченым запахом и только потом откусил маленький кусочек, вкусно заел его черным хлебом. Откусил еще такой же небольшой кусочек и покачал головой:

– Ничего более вкусного в жизни не ел.

– Ты как у немцев-то оказался? – спросил ротный, припрятав в карман портсигар. Курить папиросу не стал. Достал расшитый бисером кисет, высыпал из него табачок на тонкую бумагу и, ловко свернув сигарку, аккуратно провел по краешку листка языком, заклеивая.

– Долгая история. В сорок втором случилось. Под Харьковом... Такое пришлось пережить, что и в аду не встретишь. Ведь мы даже повоевать толком-то не успели. Только из поезда начали выгружаться, а тут немецкие бомбардировщики налетели. Наш поезд в щепки разбомбило! Когда очнулся, вокруг меня лишь трупы да куски разорванных тел лежат. А по полю немцы цепью идут и раненых из автомата добивают. Не то куражатся, не то милосердие проявляют. Подошли ко мне, что-то стали спрашивать. А голоса я их не слышу, только в голове у меня гудит. Один из них автомат мне в грудь наставил и с улыбкой так на меня

смотрит. Думал, все, конец!.. Мне эта улыбка долго потом снилась... Смотрю на него, а страха у меня никакого нет, просто подумалось, вот как оно быстро закончилось. Даже глаза закрыл... А тут меня кто-то в спину толкнул, и я едва не упал. Оглянулся, а там другой немец стоит и показывает на пленных красноармейцев, стоящих в сторонке, таких же бедолаг, как и я. Дескать, туда иди, там тебе место... – Солдатик замолчал, думая о чем-то своем.

– А что дальше было?

– Дальше был лагерь для военнопленных. Хотя и лагерем-то его особо не назовешь. Кусок земли посреди выжженного поля, огороженный колючей проволокой. Через месяц переправили в другой лагерь, но там уже были бараки, работали на карьере. Колотили какой-то белый камень, доломит, кажется... В эшелоны его загружали. Дня не проходило, чтобы кто-то не помер. Еда только утром. Да и можно ли ее пищей назвать? Так... небольшой кусок пропеченного теста.

– А как сюда-то попал?

На передовой вновь установилось безмолвие. Лишь иной раз шмякнет рассерженно в бруствер шальная пуля, прилетевшая откуда-то из вражьего далека, или где-то по соседству рванет одиночный снаряд, осыпав крошкой землю – но это даже как-то и не в счет, – и опять поют пичуги.

– Тут неподалеку каменоломни есть, – махнул Макар в сторону немецких позиций. – Руду добывают... Вот туда половину военнопленных из лагеря свезли.

– И что вы там делали? – спросил капитан.

– Разное... Одни камень рубили, а другие его на тачках к окопам свозили. Третьи под присмотром немецких инженеров позиции укрепляли.

– Все понятно. Значит, готовятся фрицы к нашему наступлению. Ты давай, доедай! Скоро тебе не до праздных разговоров будет, – произнес ротный, заметив, как по переходам, пригнув голову, к ним в сопровождении двух автоматчиков спешит капитан Романцев. – Смершевцы идут!

Капитан подошел в тот самый момент, когда Макар ложкой выскребал остатки пищи со дна котелка.

- Где ваш заговоренный перебежчик, которого немецкие пули облетают? - поинтересовался Тимофей, посмотрев на командира роты.

- Здесь я, - поднявшись, подал голос парень в истлевшей гимнастерке.

- Вот, значит, как герои выглядят, - с улыбкой оглядел его Романцев. - Везучий ты, парень... Я переговорю с ним, капитан, не возражаешь?

- Разве бы я посмел? - усмехнулся в ответ ротный.

- Преувеличиваешь, товарищ капитан, - добродушно отозвался Тимофей и уже по-деловому, дав понять, что формальности соблюдены, уточнил: - Значит, это ты такой фартовый?

- Не знаю... - неопределенно пожал плечами солдатик.

- Я вон на той высотке стоял, - кивнул Романцев в сторону разрушенных деревянных строений. - Думаю, что за стрельба там на позициях началась? Неужели немцы в наступление пошли? Глянул вниз и глазам своим не верю: по полю бежит боец! И не просто бежит, а между разрывами как заяц петляет, а еще через пулеметные очереди перепрыгивает. Осколки во все стороны летят, а ему хоть бы что! Заговоренный просто! Ты мне ответь откровенно, у тебя вместо кожи броня, что ли, какая-то?

- Ничего такого во мне нет, кожа да кости... - скупно улыбнулся Макар. Просто повезло. В другой раз может не подфартить.

- Ха-ха, парень! Ну ты даешь, уж не думаешь ли ты снова под автоматными очередями пробежать? Советую тебе не увлекаться русской рулеткой, она вредна для здоровья, - заключил капитан Романцев вполне серьезно.

- Нет... Я к тому, что в следующий раз может не повезти... Будь я в окопе или еще где... Неизвестно, где свою пулю можно подловить.

– Все это правильно, – подтвердил Тимофей. – Знал я одного писаря из штаба армии, все боялся на передовую выходить, оружие только на агитплакатах видел. Так ему однажды трофейную зажигалку подарили в виде «лимонки». Хорошая такая штука, с первого раза зажигалась, кремень хороший, и пламя высокое, ветра совершенно не боялось. А однажды в зажигалке бензин закончился, захотел он ее разобрать да бензина налить. Вот только он, дурья башка, перепутал зажигалку с боевой гранатой. Так рвануло, что мы его потом в радиусе двухсот метров собирали. Хорошо, что в одиночестве разбирал и никто больше не погиб. Еще могу припомнить один случай. Хитрец один был в нашем подразделении, все передовой боялся, так он пальцы себе отстрелил, чтобы не воевать. И что?.. Расстреляли его перед строем за членовредительство... Чего это ты, боец, вдруг пригорюнился? Ладно, напустил я на тебя страхов! У нас в военной контрразведке шутки такие специфические. Ты у командира роты спроси, он тебе подтвердит. Так, Ерофеев?

Капитан Ерофеев, приставив к глазам бинокль, пристально всматривался в немецкие позиции, затем что-то черкал в своем блокноте и старательно делал вид, что происходящий разговор его совершенно не интересует.

– Занят я, товарищ капитан, – буркнул ротный. – Перемещение у немцев какое-то непонятное, нужно его зафиксировать.

– Хорошо, отвлекать не будем, дело важное, – согласился Романцев и повернулся к перебежчику:

– Ты ведь из плена бежал?

– Да.

– Хорошо... А теперь расскажи о себе по порядку! Кто ты таков? Назови свою фамилию, имя. В какой части служил на фронте, как попал к немцам в плен. В каких лагерях побывал, чем там занимался... Меня интересует каждая мелочь.

Присев на бруствере, Тимофей подложил под планшет блокнот, вытащил острозаточенный карандаш и приготовился записывать.

– Товарищ капитан, так я уже рассказывал командиру роты, – неуверенно произнес Макар, посмотрев в сторону хмурого Ерофеева, продолжавшего очень

сосредоточенно рассматривать в бинокль позиции немцев.

– Командир роты, вне всякого сомнения, важное должностное лицо, с этим никто не поспорит. Но что поделаешь, у меня имеются свои инструкции, будь они неладны! Я должен выслушать тебя и записать все твои показания. Уверен, что для меня у тебя найдутся какие-то новые подробности, которые ты позабыл рассказать товарищу капитану. Итак, начнем с твоего имени и номера полка, в котором ты служил до того, как попал в плен.

– Меня зовут Макар Григорьевич Забияка. Рядовой триста сорок четвертого полка, сто семидесятой стрелковой дивизии. Попал к немцам в плен двадцать шестого мая сорок второго года. Затем был помещен в сборный пункт под Харьковом. Затем нас переправили под Кременчуг на рудник...

Макар говорил неторопливо, осознавая, что это не просто беседа, а самый настоящий допрос, от которого зависит его дальнейшая судьба.

– Весьма интересно... Что вы там добывали? – перебил Романцев.

– Железную руду.

– Тяжелая работа, поди, насмотрелся ты на эту руду, – понимающе кивнул Тимофей. – И как она выглядит? Серого цвета, наверное, как сталь?

– Именно так, товарищ капитан, – охотно согласился перебежчик. – А еще она очень тяжелая.

– Ну, это понятно, все-таки железо, а оно легким не бывает. А как же вы выносили такую тяжесть?

– На тачках... Грузили и вывозили.

– И как долго ты работал на этих рудниках?

Командир роты неодобрительно посматривал на Романцева. Ему откровенно было жаль паренька, буквально валившегося с ног от усталости. Но всякий раз бедолага усилием воли перебарывал себя и продолжал отвечать на вопросы.

Оставалось только удивляться, откуда берутся столь недюжинные силы в таком тощем теле. Ему бы поспать хотя бы часа два, отвлечься от тяжелых дум, а там и к расспросам можно приступать. Но Романцев не желал замечать усталости бойца.

Макар слегка призадумался, вспоминая, после чего уверенно произнес:

- Шесть месяцев.

- Полгода... Это большой срок для рудника. Другие и месяца на такой работе не протянут, а ты целых шесть! Повезло тебе, Макар, и здесь! Судя по твоей комплекции, не сладко тебе пришлось. Видно, характер у тебя кремень! Ты, парень, под счастливой звездой родился, где же ты силы нашел, чтобы все это вынести?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пустите меня к нему! Как же это так?! Почему так несправедливо? Пустите меня! (укр.)

2

Четыре месяца, как вы в Немировку пришли. Мы пожениться хотели (укр.).

3

Соседка сказала, что офицера убили. И я сразу поняла, что это Прохор (укр.).

4

Он собирался уже уходить. Кого-то проводить должен, а тут посмотрел в окно и сказал: «Что это за майор? Почему он здесь все время крутится. Пойду посмотрю». Попрощался со мной и ушел. Я даже ничего не думала такого. А потом... (укр.)

5

Не видела. Я тесто месила (укр.).

6

Как же мне теперь без него? (укр.)

7

Хорошо. Я так и сделаю (укр.).

8

Не видели! (укр.)

9

Зря вы тут ищете, никто вам ничего не скажет. Вы ушли, а нам тут еще с соседями жить. А уж они ничего не забывают (укр.).

10

Война с Финляндией.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/suhov_evgeniy/rezident

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)